

Точно так же и политическая борьба не затрагивается комментаторами — даже в связи с острым спором о первенстве патриархатов, завершившемся изданием 28-го правила Халкидонского собора 451 г. Мы только узнаем, что на 16-м заседании легаты отвергли это правило и что оно не включено во многие рукописи (стр. 58), но какие причины двигали легатами, остается неизвестным.

Во введении к материалам II Никейского собора 787 г. упомянуты «еретики-иконоборцы» (стр. 107). Комментаторы опять-таки не говорят о сущности иконоборчества, хотя II Никейский собор был направлен именно против этого движения, но отсылают к литературе. При этом они не указывают не только советских работ (М. Я. Сюзюмова), но и основных трудов, вышедших на Западе (П. Аликсандера, А. Грабара и др.).

Таким образом, перед нами удобный своей компактностью сборник текстов, существенных также для византийстов, но издатели, видимо, даже и не пытались дать комментарий издаваемых материалов по существу.

A. K.

W. WOLSKA. LA TOPOGRAPHIE CHRÉTIENNE DE COSMAS INDICOPLEUSTÈS. THÉOLOGIE ET SCIENCE AU VIe SIÈCLE.

Paris, 1962, 329 p.

Большая монография В. Вольской посвящена «Христианской топографии» Космы Индикоплова как памятнику философской и богословской мысли¹. За небольшим введением, рассматривающим внешнюю биографию Космы Индикоплова и содержание «Христианской топографии», следуют две основные части: «Косма и Восток» и «Косма и Александрия». Первая из этих частей посвящена, если так можно выразиться, идейным корням философско-богословских взглядов Космы, вторая — его отношению к эллинистическому наследию и отношению к Косме ранневизантийских философов, прежде всего Филонона — его современника.

В основе взглядов Космы лежит мысль о двух состояниях (*καταστάσεις*). Бог стремится сообщить свою мудрость и свое благо сотворенным им существам, но разрыв между творцом и творением столь велик, что непосредственное распространение божественной мудрости на творение невозможно. Поэтому бог и создает два состояния: одно — тленное и конечное, полное противоречий и испытаний, другое — вечное и совершенное.

Этому тезису о двух состояниях подчинено все мировоззрение Космы. Вселенная разделяется на два мира — земной и небесный, история человечества — на два периода: один, начинающийся с Адама, и другой — с Христа. Именно победа Христа над смертью создает для человечества гарантию достижения вечного блаженства (стр. 37 сл.). Тезис о двух состояниях восходит к учению Феодора Мопсуэстийского, богослова IV — V столетий, осужденного на V Вселенском соборе; его сочинения дошли до нас далеко не полностью, и это обстоятельство затрудняет изучение его влияния на Косму (стр. 40 сл.). Тем не менее Вольской удается проследить зависимость Космы от Феодора в вопросах космологии и учении о человеке, в трактовке Ветхого завета как пророческой книги, предвещающей явление Христа.

Помимо Феодора Мопсуэстийского, и, может быть, даже в большей степени, Косма испытал влияние нисибийской несторианской школы: одного из ученых этой школы, Мар Абу (Патрикия), он упоминает во введении ко II главе. Вольская проводит тщательное сопоставление «Христианской топографии» с сочинением ученика Мар Абы — Фомы Эдесского («Трактат о рождении Христа»), показывая сходство этих произведений, принадлежащих к одному кругу идей (стр. 73 сл.). Вольская называет «Христианскую топографию», как и Н. В. Пигулевская, несторианским сочинением, считая, однако, что несторианство Космы проявилось не только и не столько в представлении о земле как о плоском теле, но прежде всего в учении о двух состояниях (стр. 85).

Специально останавливаясь на трактовке Космой христологического вопроса, Вольская приходит к выводу, что V глава «Христианской топографии» рассматривает этот сюжет иначе, чем остальные части книги. Указав, что ряд ранневизантийских памятников (в том числе «Пасхальная хроника») представляет параллели к V главе, исследовательница высказывает гипотезу, что все эти тексты восходят к сочинению Мар Абы или Фомы Эдесского: «Основная часть V главы не принадлежит Косме» (стр. 105).

Если учение о двух состояниях было воспринято Космой от Феодора Мопсуэстийского и школы Мар Абы, если христология V главы вообще прямое заимствование из произведения Мар Абы, то представления Космы о форме вселенной — четырехугольное в плане сооружение, покрытое аркой в виде полуцилиндра — восходят не не-

¹ Посвященная Косме Индикоплову глава в книге Н. В. Пигулевской «Византия на путях в Индию» (М. — Л., 1951, стр. 129—156) неоднократно цитируется Вольской, хотя и отсутствует в общем списке литературы.

посредственно к несторианским взглядам, а к широко распространенной на Востоке иудейской и раннехристианской традиции, опиравшейся, в частности, на Ветхий завет.

Особенный интерес, пожалуй, представляет та часть работы Вольской, где рассмотрена идейная и философская борьба в Александрии VI в. (стр. 149 сл.), выразившаяся, в частности, в противоречиях (или полемике?) между Филопоном и Космой (стр. 161 сл.). В этом споре Филопон отстаивал античные, аристотелевские взгляды на вселенную, с которыми полемизировал Косма. Вместе с тем при всем субъективном стремлении Космы порвать с «эллинскими», «языческими» представлениями ему не удалось этого сделать полностью: исследовательница выясняет его заимствования и из аристотелевской философии, и у стоиков.

Несколько особняком стоит последняя глава книги Вольской — о географических представлениях Космы.

В книгу включено также несколько приложений, рассматривающих частные вопросы, и указатель, облегчающий пользование ею.

A. K.

L. VÁRADY. CONTRIBUTIONS TO THE LATE ROMAN MILITARY ECONOMY AND AGRARIAN TAXATION

«Acta Archaeologica Academiae Scientiarum Hungaricae», XIV, 1962, № 3-4, p. 403—438

Венгерский ученый Л. Варадь рассматривает некоторые вопросы позднеимперского обложения и военной организации, исходя из представления о кризисе рабовладельческой системы, охватившем империю с III в. н. э. Он считает колонат попыткой усовершенствовать рабовладельческую экономику без революционных сдвигов, а введенное Диоклетианом аграрное обложение называет «типичным для кризиса полуфеодалного сельского хозяйства империи». По мнению Варадь, экономика восточной и западной половины Римского государства оставалась сбалансированной, пока система рабовладельческих лагифундий преобладала на Западе и города переживали известный подъем (a certain boom). Тогда как мелкие хозяйства колонского типа (colonus-type small farms) на Востоке продолжали работать с большой продуктивностью, на Западе переход к колонату вызвал кризис, развитие тенденций к натурализации экономики (to a subsistence economy), к бегству непосредственных производителей и разрыву их с производством. В этих условиях необходимо было стабилизировать обложение, чтобы иметь доход, достаточный для поддержания государственного аппарата (стр. 407 сл.).

Аграрное обложение, введенное Диоклетианом, явилось универсальной системой для всей империи. Его целью было прикрепление колонов к земле. В основе обложения лежал *jugum* — податная единица, согласно Варадь, не тождественная африканской *centuria* или италийской *millena* (стр. 428). Ответственность за уплату податей была коллективной, и в случае сокращения (например бегства) числа налогоплательщиков бремя их налогов распределялось между оставшимися.

Каждое *jugum* разделялось — независимо от реальной численности сидевших на земле людей — на пять *capita*; предполагалось, что семья состоит из пяти человек — главы семейства, его жены, родителей и старшего сына домохозяина (стр. 409). В пользу своей теории Варадь истолковывает ряд документов: надпись из Бриджетто 311 г., постановление Константина от 325 г. (CTh, VII, 20.4), панегирик начала IV в. и др.

Capitatio, по мысли Варадь, составляла денежную часть налога, тогда как *jugatio* была связана с натуральными повинностями. Организическую часть *capitatio* составляли *annonariae pensationes* или *annonae congrua* (стр. 414 сл.). В другом месте (стр. 416) венгерский ученый определяет *jugatio* как основу аграрного обложения, а *capitatio* — как часть *jugatio*, взимающуюся с лиц (ориентировочно с пяти человек), живших в крестьянском хозяйстве. Иными словами, *capitatio* в крупном поместье взималась с населенных колонами наделов (и служила средством прикрепления их к земле), тогда как «свободные *jugae*» не подлежали обложению этим налогом. При этом, разумеется, колоны обрабатывали не только часть поместья, включенную в *capita*, но и «свободные *jugae*» (стр. 420).

Coemptio — форма обложения, характерная для Востока, где господствовало денежное хозяйство, — была тесно переплетена с *jugatio* — *capitatio*: она устанавливалась в соответствии с числом *juga* и *capita* [πρὸς τὴν ἀναλογία τῶν ζευγῶν ἢ τοῦ ζυγοκεφάλων (CJ, X, 27.2, § 8)] и состояла в периодически устанавливаемой обязанности продавать государственную продукцию по твердым ценам (стр. 417).

Подводя итог рассмотрению позднеимперской системы обложения, Варадь замечает: «Аграрное обложение, основанное на кадастровых данных, не зависящих от реального урожая, является типичным феноменом для полуфеодалных государств античного мира» (стр. 431 сл.). Оно возникает в условиях спада рабовладельческой экономики и отражает тенденцию к консолидации сил государства.

A. K.